

Немецкие колонии Николаевского уезда, Самарской губернии ¹⁾

(Статистико-экономический очерк)

Двадцать шесть имеющихся в настоящее время немецких колоний в Николаевском уезде, разделенные на две волости, Екатериненштадтскую и Панинскую, расположены от устья реки Большого Иргиза до устья реки Малого Карамана на протяжении 75 верст. По 5-й ревизии 1788 года всех немецких колонистов числилось 991 двор с 5136 душ обоого пола ²⁾. За последнее время число колонистов значится в количестве 49274 душ обоого пола при 6740 дворах ³⁾. Всей удобной возделываемой земли, находящейся в пользовании всех общин – 160587,7 десятин. Торговый центр всех колоний и вместе с тем самая большая из них – Екатериненштадт (Баронск) при р. Волге – имеет 1077 дворов.

При виде полей колонистов, невольно бросается в глаза их растянутасть и отдаленность от самих колоний. Среднее расстояние поля от усадьбы выражается во всех колониях – 32,3 верст. Выгоны для скота от селения отстоят на целые 20 верст, что, понятно, несколько вредит правильности хозяйства.

Коренная форма землевладения колонистов – общинная, которая по справедливости считается ими залогом их сельскохозяйственного благосостояния. Переделы всех общинных земель бывают через 10 лет (наибольшей срок). Очень частые переделы по многим причинам признаются неудобными. Говоря о переделах немецких крестьян, нельзя не упомянуть о их аккуратности и точности, не допускающей каких-либо путаниц, споров и недоразумений, о их чисто германской практичности, от которой так далек наш великоросский хлеботор, вечно сетующий или на свой «огромный», или «пустяковский» надел. Переделы совершаются жеребьевкой, перед которой все общины разбиваются на сотни и десятки, на полях ставятся межевые столбики, «отметчики», избранные общинами, определяют номер каждой полевой полосе.

Каждый из колонистов берет свернутый жребий с номером и

¹⁾ «Казанский Листок».

²⁾ Клаус. Наши колонии, 1869 г. Приложение IV. Стр. 52.

³⁾ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Издание Самарского губ. земства. Том VI. Стр. 216.

находит по нему определенный ему судьбой участок, каждый колонист (даже родившийся в день передела), как и бедняк-бесхозный имеет на свой участок владельческое свое право. Лица бесхозные, не могущие по недостатку средств обрабатывать свой участок, сдают в аренду. Полевые работы летней «страды» совершаются всегда сообща.

Упомянем ещё об одном примере немецких порядков, на которые их соседи – русские мужички, смотрят вообще с недоверием и смехом. Так как общественным выгоном могут пользоваться далеко не все, по неимению у некоторых скота, то за право пользования выгоном определена известная плата (с головы крупного и мелкого скота), единственное назначение которой, уплата податей и проч. повинностей за бедных, не могущих хозяйствовать самостоятельно, членов общины.

Лица престарелые, не имеющие средств и к труду за старостью неспособные, получают от общины ежемесячное пособие (3 руб.). Благодаря этому, в колониях отсутствует нищенство. В случаях недостатка в деньгах на обсеменение, общины, не входя в долги правительству, делают заем в своей волостной кассе (в г. Екатериненштадте), располагающей наличностью 170000 руб. ⁴⁾ с условием погашения долга срочными платежами в течение определенного срока.

Затем производится так называемая «долговая» запашка, в которой всегда участвует вся община, даже и в том случае, если заем из кассы произведен не всей общиной, а лишь частью её.

Много хорошего мог бы заимствовать наш великороссийский хлебопашец от живущего с ним бок-о-бок «чудака-немца», если бы нашел в себе силы стряхнуть с себя немного кору косности и упорства во многом, что от его «прапрадедов шло и в святости сохранилось».

Мог бы перенять он и немецкое «Попечение Совета Общины о сиротах», благодаря разумной помощи которого беспомощные сироты никогда не делаются обузой для «мира» или жертвами порока, а делаются с годами полезными производителями «мира», чего не случается в быту великороссийских сел. Попечительный

⁴ Касса Панинской волости, как и вообще во всех русских волостях, находится в очень жалком состоянии: роздано 7 сельским обществам и 581 лицу – 118561 руб., но деньги возвращаются чересчур плохо. К 1887 г. в Панинской кассе состояло на лицо всего лишь 1823 руб.

совет тотчас же призревает сироту, как только он попадает под его ведение, отдает его в обучение какому-либо ремеслу, делая формальный договор с мастером, которому вменяет в непрременную обязанность, не утомляя их питомца работой, превышающей его силы, кормить его простой, но здоровой пищей, кроме ремесла обучать его грамоте, отвечать за его добрую нравственность и в случае болезни лечить его на счет Попечительного совета.

В кол. Екатериненштадт есть приют-школа для этих сирот (основана колонистом И.Х. Липперт в 1871 г.), где дети и призреваются до 16-ти летнего возраста.

В 5 из всех 26 колоний практикуется трехпольная система, в остальных – четырех- и пятипольная. Засеваются: пшеница (русская и перерод), рожь, овес, ячмень, незначительное количество проса, кукуруза (в 6 колониях), затем – дыни, арбузы, тыквы, подсолнечник, горчица, мята, ромашка, красная капуста (колон. Цюрих), американский картофель (колон. Панинская), кроме того, довольно развито садоводство и табаководство.

Общее число садоводов числится в Екатериненштадтской волости – 73, владельцев 20813 плодовых деревьев, и в Панинской волости – 556 садовод. с 31437 деревьями. Особенно развито садоводство в колонии Орловской (7120 плодовых деревьев у 12 владельцев).

Хотя обработка земли местами и производится усовершенствованными изделиями фирм Джонстона, Мак-Кормика, Вуда и тому подобн., но вообще колонисты пользуются ими не особенно охотно, имея ввиду сравнительную дешевизну рабочих рук, благодаря бесхозным работникам и летнему наплыву пришлых рабочих, тогда как, например, для жнейки необходимо 8 лошадей, содержание которых в «страду» (овес и месиво) обходится дорого.

Урожаи хлебов, бывшие прежде баснословными, теперь постепенно падают и в настоящее время у некоторых посевищиков является затруднение в возможности полной уплаты наемным работникам. Лишь только разумный уход за скотом, садоводство и возделывание табака поддерживают благосостояние большей части колонистов.

Осенью, по окончании полевых работ, некоторые домохозяева отправляются со всеми стадами своего рогатого скота на дальние поля, живут там иногда до весны в землянках, сообщая занимаясь

выделыванием сыров и масла. Корм для скота, солома и мякина у них тут же, в поле. В течении 8 месяцев от каждой коровы получается до 1 пуда «чухонского» масла и до 2 пуд. сыра.

Довольно значительное число бессемянных и бесхозьяйных семей в общей массе колонистов объясняется задолженностью их не только в своих волостных кассах, но и у частных лиц (у вольских купцов по преимуществу). Так, в настоящее время общая задолженность 14 общин заключается в 156500 руб. частным лицам и в 173070 руб. – вспомогательной волостной кассе.

Основание табаководства в колониях положено ещё первыми пришельцами. В 1852-53 гг. табаководство «приносило здесь почти более дохода, нежели хлебопашество».

Места сбыта табака были города: Петербург, Москва, Казань, Оренбург, Симбирск, Саратов, Вольск, Астрахань, Мензелинск и многие другие.

Состав почвы влияет на цвет возделываемого табака, так, например, бурый, сигарочный табак произрастает исключительно лишь на почве суглинистой, желтый – на супесчаной и т.д.

Возделывание табака производится таким порядком: в апреле производится опаживание поля (до 3 вершков глубины), через месяц почва вновь ещё раз перепахивается, затем она унаваживается и покрывается легким слоем чернозема. Затем приступают к рассадке семян (рассаживая семена до 1 арш. друг от друга) в ямки, причем семена смешивают с золой или песком. Посаженные семена в защиту от могущих случиться поздних холодов, прикрывают чем-либо (соломой, хворостом и т.п.). Через 8-9 дней выходит рассада 3-4 листиками. Рассадку пересаживают в поле, заботливо обкладывая сухой землей. Через три недели на рассаде появляются черные цветки, которые и обрываются, происходит полоние сорных трав. Поспевает (русский) табак к 20 августа, его вяжут в снопики и дома сушат. Работают на табачном поле более женщины, мужчины ограничиваются лишь пахотой и возкой соломы и хвороста для предохранения посева от холодов.

В 1886 году урожай табака достиг до 100 пудов на десятину, а в колонии Боаро даже до 150 пудов. Общий сбор табака в этом году был до 185600 пудов. Доходность табачной промышленности в прежнее время доходила до 30-40000 руб. на каждую колонию. Голодный 1873 год, наделавший столько бедствий для крестьян Самарской губернии, нимало не отразился на немецких колонистах,

которых выручил обильный урожай табака при всеобщем и всесовершенном хлебном неурожае.

Укажем здесь кстати и на другие немаловажные выгоды табаководства: 1) так как почти весь уход за табаком выполняется женщинами и даже детьми, то мужские рабочие силы от других работ не отвлекаются; 2) сбор «русского» табака дает 2 годовых урожая (в сентябре поспевают другой, низший сорт табака, «ченьчук»); 3) табачные листья, оставшиеся в поле от сбора, составляют хороший корм для скота (для овец, в особенности); 4) после табачного посева почва, засеянная пшеницей, дает всегда лучший урожай; 5) при распашке «табачной» земли под другой посев, табачные стволы после осушки дают прекрасное топливо.

До 1881 г. «вольные цены» табака (распродаваемого по соседним селам) были от 2 до 4 руб. пуд, смотря по достоинству сорта, но с введением нового «устава о табачном сборе», производство табака сильно сократилось, чему способствовал § 6 «Устава о табачном сборе», гласящий: «листовой табак туземного произрастания может быть покупаем только лицами, имеющими табачные фабрики или постоянные склады листового табака». При полном произволе цен, налагаемых гг., «имеющими табачные фабрики и склады», на табачные продукты, в настоящее время табачная промышленность в колониях быстро падает. С 3378 десятин площади, занимаемой рассадкой табака в 1853 г., в 1887 году она равнялась лишь 268 десятинам. Постепенный и быстрый упадок табачной промышленности в колониях заметно отражается и на общем уровне благосостояния жителей колоний.

Грамотность, трезвость и вообще весь нравственный уровень немецких колонистов стоит неизмеримо выше, чем в русских селах, не говоря уже, разумеется, о немецкой чистоте, «убранстве» и чистоплотности.

Всякий, выдавший какую-нибудь утопающую в цветущих садах «Зоненталь» и рядом с ней её соседку какую-нибудь Растопырку или Голодаевку с покосившимися избами, заваленными благоухающим навозом, невольно ощущает грусть за присных сердцу «нашенских».